

Время, 1862. № 1.

ПРИМѢРЪ АПАТІИ

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ
«ВРЕМЕНИ» ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г.
АНТОНОВИЧА «О ПОЧВѢ».
СОВРЕМЕННОКЪ 1861, ДЕКАБРЬ.)

Мы сердцемъ - хладные скопцы.
Пушкинъ.

Читали ли вы, милостивый государь, статью г. Писарева - Схоластика XIX вѣка въ IX книжкѣ «Русскаго Слова?» Если не читали, то прочтите непременно. Г. Писарева слѣдуетъ читать; г. Писаревъ по моему мнѣнію есть самое новое, самое выразительное проявленіе нашей современной литературы; въ немъ обнаруживаются глубочайшія ея тайны. Со всею искренностью говорю вамъ, что я ставлю названную мною статью выше многихъ другихъ, болѣе знаменитыхъ; не

буду сокрываться, скажу прямо и смѣло, что я ставлю ее выше даже Полемическихъ красоть г. Чернышевскаго. Какъ это уже всѣмъ извѣстно, г. Чернышевскій и г. Писаревъ не расходятся въ своихъ существенныхъ взглядахъ; но между ними существуетъ значительное различіе, и трудно не видѣть, что въ этомъ различіи многое говоритъ в пользу г. Писарева. Мимоходомъ укажу вамъ нѣкоторыя черты разницы, замѣченной мною между этими писателями. Г. Чернышевскій - догматикъ, твердо держащійся извѣстныхъ идей; г. Писаревъ - критикъ и скептикъ, все подвергающій сомнѣнію и анализу. Г. Чернышевскій - аргументаторъ, желающій убѣждать читателей строгими логическими выводами; г. Писаревъ - свистунъ, избравшій своимъ главнымъ оружіемъ - брань и насмѣшку. Г. Чернышевскій полагаетъ, что онъ строитель; г. Писаревъ прямо говоритъ, что онъ разрушитель. Г. Чернышевскій смѣлъ и откровененъ, г. Писаревъ еще смѣлѣе и откровеннѣе; г.

Чернышевскій есть основаніе и начало, г. Писаревъ - выводъ и конецъ.

Вы видите слѣдовательно, что тотъ былъ бы непослѣдователенъ, кто, признавая г. Чернышевскаго за живое явленіе современной нашей жизни, не призналъ бы г. Писарева за прогресъ, за явленіе еще болѣе живое. И потому признаюсь вамъ, для меня было бы очень лестно, я истинно гордился бы, еслибы за мною неоспоримо была признана заслуга, что я первый понялъ всю многознаменательность этого явленія, что я въ нѣкоторомъ родѣ открылъ г. Писарева. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей г. Писаревъ выражаетъ опасеніе, что его сужденія могутъ быть приняты за нелѣпыя выходки, за лай на луну; мнѣ очень было бы прискорбно, еслибы подобныя опасенія по какимъ-нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ укоренились въ немъ и помѣшали бы развитію его дѣятельности.

Мнѣ кажется изо всего этого видно, какую искреннюю любовь питаю я къ російской словесности. Не прикидываюсь

я, не притворюю, не лицемѣрю, когда говорю объ этой любви. Прилежно, ревностно читаю я статьи г. Писарева и стараюсь открыть ихъ смыслъ и извлечь изъ нихъ поученіе.

Статья о схоластикѣ, которую я упомянулъ, стоитъ полнаго вниманія именно потому, что въ ней г. Писаревъ старается доказать такъ-сказать свою законность, старается убѣдить читателей, что онъ есть дѣйствительно живое и современное явленіе. Долгое время я искалъ въ этой статьѣ какой-нибудь точки опоры, чего-нибудь твердаго, на чемъ бы строились всѣ ея мысли, и долгое время не находилъ и недоумѣвалъ. «Мы идемъ впередъ», говоритъ г. Писаревъ; но почему онъ считаетъ переднею именно ту сторону, въ которую идетъ, - этого никакъ не было видно; а что, какъ онъ свернулъ въ сторону, или поворотилъ даже прямо назадъ? «Мы отвергаемъ все старое», пишетъ г. Писаревъ; но онъ не даетъ никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы убѣдиться, что его старое дѣйствительно

старо и новое дѣйствительно ново; а что, какъ его новинка давно уже устарѣла? «Мы бьемъ направо и налево», провозглашаетъ г. Писаревъ; но я ничѣмъ не могъ удостовѣриться, что это геройство сопровождается разрушеніемъ того, что бьетъ г. Писаревъ; а что, думалъ я, можетъ-быть онъ только обобьетъ себѣ руки? «Мы жизнь, мы фактъ», восклицаетъ г. Писаревъ; но какая жизнь и какой фактъ, - рѣшить по его словамъ было невозможно. А что, если это дурной фактъ? если эта жизнь - нездоровая?

Наконецъ послѣ долгихъ исканій я съ великою радостію открылъ нѣкоторый положительный признакъ, который дѣйствительно можетъ быть порукою законности г. Писарева въ нашей литературѣ. Этотъ признакъ состоитъ въ нѣкоторомъ жарѣ, въ особенной пламенности, которую г. Писаревъ считаетъ прямымъ проявленіемъ жизни и которую потому прямо приписываетъ своему лагерю. У насъ, говоритъ онъ, господствуетъ «пылкая, кипучая діалектика», «вообще

страстность», «искреннее воодушевленіе», даже «страстный юношескій бредъ».

Итакъ вотъ въ чемъ дѣло, вотъ гдѣ тайна! Слово горячее есть безъ сомнѣнія слово живое. Вотъ основная точка зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на произведенія этого лагеря. О нихъ нельзя судить по признакамъ грубымъ, прозаическимъ, такъ-сказать матерьяльнымъ, какъ на примѣръ - послѣдовательность, точность фактовъ, строгость выводовъ. Ничего подобнаго въ нихъ не должно искать, потому что главное ихъ достоинство имѣетъ болѣе тонкій, чисто-идеальный или поэтической характеръ; оно заключается въ сердечной теплотѣ.

При моей, извѣстной вамъ склонности къ идеализму, вы надѣюсь не станете подозрѣвать, что я нахожу здѣсь что-нибудь дурное. Въ самомъ дѣлѣ, что можно представить себѣ идеальнѣе, когда на ваше

замѣчаніе: «какія здѣсь нелѣпости!» вамъ отвѣчаютъ: «зато сколько жару!» Вы можетъ-быть найдете, что искажаются факты, что дѣлаются дѣтскія соображенія; а вамъ вдругъ говорятъ: «какъ же вы не замѣчаете главнаго, - сердечной теплоты?» Повторяю, по моей склонности къ идеализму, я не нахожу тутъ ничего дурного. Хотя конечно нелѣпость - дѣло жестокое; хотя безъ сомнѣнія оскорбительно для человѣческаго смысла то обстоятельство, будто бы, пылая сердечнымъ жаромъ, нельзя не говорить нелѣпостей, будто бы даже позволительно говорить ихъ сколько угодно. Но - такъ и быть! Не всякое же лыко въ самомъ дѣлѣ въ строку! Жаръ такъ жаръ; давайте намъ жару - и все остальное простится вамъ!

И вотъ съ обыкновеннымъ моимъ усердіемъ я сталъ слѣдить за проявленіями жара въ нашей юной литературѣ. Сказать ли вамъ прямо? Наградой этихъ стараній было горькое разочарованіе. И во первыхъ, что касается до г. Писарева, воспѣвающаго страстность, пылкость, кипучесть,

доходящую до бреда, то можетъ-быть только г. Писаревъ, но самообольщенію, столь свойственному авторамъ, можетъ находить какіе-нибудь признаки этихъ свойствъ въ своихъ произведеніяхъ. Если это бредъ, то однакоже никакъ не страстный бредъ; это бредъ не сердечный, а такъ-сказать головной, то-есть мысленный, идеальный, воображаемый, существующій въ игрѣ представленій, а не въ дѣйствительности; однимъ словомъ это скорѣе бредни, но не горячка. Въ самомъ дѣлѣ произведенія г. Писарева, при всѣхъ другихъ своихъ достоинствахъ, замѣчательны своею холодностью; въ этомъ отношеніи я опять таки рекомендую ихъ вамъ какъ нѣчто дѣйствительно образцовое, какъ явленіе, въ которомъ всѣ свойства этого рода явленій достигаютъ своей превосходной степени и обнаруживаются вполнѣ отчетливо, вполнѣ характеристически.

На сей разъ, къ крайнему моему сожалѣнію, я долженъ отложить изученіе г. Писарева; этого настоятельно требуютъ

интересы минуты; начиная свое письмо г. Писаревымъ, я хотѣлъ только заявить вамъ, что онъ постоянно служить мнѣ путеводною звѣздою въ лабиринтѣ нашей словесности. При помощи его я открылъ начала, на основаніи которыхъ долженъ судить о многихъ произведеніяхъ, и теперь систематически перейду къ собственному предмету настоящаго моего письма, т. е. къ статьѣ г. Антоновича о почвѣ. Статья эта требуетъ вниманія по многимъ важнымъ причинамъ. Впервые она явилась въ «Современникѣ»; во вторыхъ она направлена прямо противъ васъ; втретьихъ она касается общихъ началъ, раздѣляющихъ направленіе вашего журнала отъ направленія «Современника». По всѣмъ этимъ и другимъ причинамъ самъ «Современникъ» конечно долженъ придавать этой статьѣ гораздо большую важность, чѣмъ на примѣръ статья о г. Лавровѣ, о словарѣ Гогоцкаго, о Гегелѣ и о другихъ подобныхъ отвлеченныхъ и никому ненужныхъ предметахъ. Вовсе ненужно натяжки для того, чтобы сказать, что статья

г. Антоновича есть общій судъ, полный приговоръ, произнесенный «Современникомъ» надъ «Временемъ» .

Безъ сомнѣнія вы теперь уже догадываетесь, какой главный упрекъ я намѣренъ сдѣлать статьѣ г. Антоновича: именно, что я хочу упрекнуть ее въ отсутствіи жара. Вы понимаете, что еслибы я доказалъ справедливость этого упрека, то я вполнѣ оборонилъ бы васъ. Потомучто г. Антоновичъ, хотя далеко отсталъ отъ г. Писарева, но также принадлежитъ къ числу писателей, у которыхъ если въ статьѣ нѣтъ жара, то уже ни за что другое нельзя твердо поручиться. У нихъ имѣетъ полную силу разладъ между чувствомъ и умомъ, между сердцемъ и головою; и они живо напоминаютъ того повара, который на вопросъ: сумѣетъ ли онъ хорошо приготовить обѣдъ? отвѣчалъ: «горячо будетъ, а за вкусъ не отвѣчаю!»

Но какъ доказать отсутствіе жара? Невольно изумляюсь я, помышляя, до какихъ тонкостей дошла въ настоящее время русская журналистика и какія

трудныя задачи она ставитъ своимъ дѣтелямъ, на примѣръ вашему покорному слугѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое жаръ? Нѣчто неуловимое, грѣющее, но невидимое, проникающее, но неосязаемое. Какимъ же образомъ замѣтитъ такъ-сказать слѣды его отсутствія? Въ тысячу разъ легче было бы открыть какія-нибудь противорѣчія, грубыя ошибки, непослѣдовательность; но все это, какъ я уже сказалъ, въ настоящее время неимѣетъ ни малѣйшаго значенія. Слѣдовательно нечего дѣлать, приходится доказывать отсутствіе жара.

Начнемъ же сначала. Г. Антоновичъ пишетъ о почвѣ. Первое положеніе, которое онъ пространно и тщательно старается внушить своимъ читателямъ состоитъ въ томъ, что всѣ толки о почвѣ - однѣ фразы. Это его исходная точка. Нѣкоторые журналы, говоритъ онъ, безпрестанно повторяютъ на разные лады: почва, почва, почва... Слыша это, г. Антоновичъ рѣшился остроумно отвѣчать повтореніемъ другого слова: фраза, фраза, фраза, фраза... «Мы имѣли въ рукахъ - пишетъ г. Антоновичъ -

печатную страницу, на которой ничего не осталось, ни одной мысли и слова, послѣ того какъ мы вычеркнули изъ ней фразу о почвѣ.» Пародируя эти слова, можно сказать: «мы видѣли не одну, а четыре или пять печатныхъ страницъ (начало статьи г. Антоновича), въ которыхъ ровно ничего нѣтъ, кромѣ варіацій на слово - фраза.» Такъ что если дѣло идетъ о повтореніяхъ, то трудно кому-нибудь перещеголять г. Антоновича.

Что вы на это скажете, милостивый государь? Мнѣ кажется, уже отсюда явствуется, что г. Антоновичъ не можетъ обнаружить особеннаго жара. Какой можетъ быть жаръ въ битвѣ съ фразою? Плохую тотъ оказываетъ себѣ услугу, кто хочетъ превратить предметъ своей рѣчи въ совершенные пустяки. Зачѣмъ говорить о фразахъ? Нужно говорить о дѣлѣ. Берите не слово, а мысль своихъ противниковъ; чтобы пораженіе было глубокое, нужно бить въ глубину, а не останавливаться на поверхности. Скорѣе слѣдуетъ придать противникамъ всю важность, какую они

могутъ имѣть, чѣмъ увѣрять читателей, что они только невинные составители фразъ.

И въ самомъ дѣлѣ, еслибы г. Антоновичъ взглянулъ на предметъ не столь небрежно и презрительно, то ему открылось бы широкое поприще для обнаруженія своего жара. Почва, говоритъ онъ, есть фраза; положимъ такъ. Но вступая въ борьбу съ этою фразою, какъ же онъ не замѣтилъ, что вѣдь имя ей - легионъ? Почва подразумѣваетъ то, что растеть на ней. Чтль растеть, то имѣеть жизнь. Все живое - развивается, имѣеть возрасты, достигаетъ зрѣлости и проч. Живое существо имѣеть члены. Между членами живого тѣла существуетъ органическая связь. Вообще живыя существа суть организмы. Только организмы имѣють больныя мѣста; только они вырождаются, заражаются, болѣють и выздоравливаютъ и т. д. и т. д.

Я могъ бы еще долго перечислять подобныя выраженія и разныя варіаціи этихъ выраженій, которыя всѣ чрезвычайно употребительны. Когда дѣло идетъ о народѣ, о жизни народа, эти выраженія

сыплются съ особенною щедростію. Но они употребляются не только о народѣ, а и о множествѣ другихъ предметовъ. Они появились неслишкомъ давно, но литературный языкъ цѣлаго міра заражонъ и проникнутъ этими выраженіями. Притомъ извѣстно, что они указываютъ на нѣкоторыя новыя понятія, на особый взглядъ на вещи, на особый пріемъ мысли, особую точку зрѣнія, съ которой разсматриваются предметы. И чтоже? Г. Антоновичъ легкомысленно вырываетъ изъ этой сферы понятій одно слово почва (которое конечно для него не болѣе какъ фраза) и толкуетъ объ немъ почти такъ, какъ-будто оно составляетъ выдумку журнала «Время». Что за удивительныя и трудно-сообразимыя явленія! Казалось бы, дѣло весьма явное и публичное. Если г. Антоновичъ неслишкомъ недавно пріобрелъ искусство читать, то не можетъ быть, чтобы онъ во время чтенія не встрѣчалъ безпрестанно этихъ выраженій. Если онъ хотя мало обладаетъ искусствомъ мыслить, то не можетъ быть, чтобы онъ не замѣтилъ

тѣсной связи, въ которой находятся эти слова между собою. Одно изъ двухъ: или онъ долженъ былъ вовсе не говорить о почвѣ, или же, нападая на это понятіе, долженъ былъ нападать и на всѣ другія, которыя съ нимъ связаны. Чтоже помѣшало ему все это видѣть и замѣтить? Откуда такая крайняя слѣпота?

Разгадка, мнѣ кажется, здѣсь одна: она заключается въ нѣкоторомъ равнодушномъ невниманіи къ действительности, въ нѣкоторомъ апатическомъ отношеніи ко всему, что дѣлается и говорится кругомъ. Кто любитъ погружаться въ созерцаніе собственной премудрости и предаваться удовольствію уединеннаго созиданія самостоятельныхъ мыслей, тотъ скоро перестаетъ замѣчать окружающее, перестаетъ понимать его смыслъ, перестаетъ имъ интересоваться. Если вы выведете такого человѣка изъ его усыпленія и скажете ему свою мысль, онъ конечно вамъ отвѣтитъ: «непонимаю! ваши слова мнѣ кажутся бессмысленною фразою.»

Пойдемъ дальше. Несмотря на все это, отъ г. Антоновича не могло укрыться, что вопросъ о народной почвѣ уже давно трактуется въ нашей литературѣ. Но исторія этого вопроса въ его глазахъ покрыта непроницаемымъ туманомъ. Но его мнѣнію корень всего заключается въ томъ, что «сорвется у кого-нибудь съ языка неопредѣленная фраза». Г. Антоновичъ увѣряетъ, что «исторія почвы начинается съ «Маяка», толковавшаго впрочемъ не о почвѣ, а о народности»; что сперва просто толковали, но потомъ «какимъ-то чудомъ промелькнулъ наконецъ и вопросъ, чтъ такое народность»; что въ послѣдствіи «вдругъ раздалась новая фраза о почвѣ»; что только «въ недавнее время почву стали переводить словомъ народъ»; что «нѣкоторые совершенно нейтральные люди неожиданно превратились въ славянофиловъ»; что наконецъ все это пришло «къ скромному требованію грамотности для народа».

Вотъ вамъ и вся исторія. Смѣшно рассказываетъ г. Антоновичъ! Все у него

дѣлается вдругъ, неожиданно; все срывается съ языка или является какимъ-то чудомъ. Было бы странно объяснить г. Антоновичу дѣйствительный ходъ дѣла; тѣмъ болѣе странно, что рѣчь идетъ о «Времени», а именно во «Времени» и были помѣщены основательныя и обстоятельныя статьи, касающіяся исторіи вопроса о народности. Очевидно г. Антоновичъ незнакомъ съ нашею литературою вообще и съ «Временемъ» въ особенности. Очевидно, онъ очень мало интересуется литературою и готовъ считать ее со всѣми ея вопросами за «фразы, сорвавшіяся у разныхъ лицъ съ языка». Негодовать на него я считаю излишнимъ; убѣждать - его бесполезнымъ; тутъ остается только - наблюдать его.

Итакъ я васъ спрашиваю: гдѣ же тутъ жаръ? Тутъ есть равнодушіе, апатія, если хотите - презрѣніе и высокомеріе, но ужь никакъ не жаръ. Человѣкъ не знаетъ, не любитъ своей литературы, смотритъ на нее свысока и трактуетъ ее какъ рядъ нелѣпицъ

и пустыхъ фразъ; тутъ есть всѣ условія для холода, но нѣтъ никакого мѣста для жара.

Вполнѣ убѣжденный, что по вопросу о народности ничего дѣльнаго не сказано и не можетъ быть сказано, г. Антоновичъ прибѣгаетъ къ крайнему доказательству: онъ задаетъ своимъ противникамъ, т. е. вамъ, множество вопросовъ и требуетъ категорическаго отвѣта. «Что значитъ, - говоритъ онъ, - отрываніе отъ почвы? Какими явленіями оно обнаруживается? Въ чемъ должно состоять сближеніе съ народомъ? Въ какомъ смыслѣ оно возможно? Кто и какъ долженъ сдѣлать первый шагъ? Съ чьей стороны должно быть больше сдѣлано уступокъ? Какой элементъ внесетъ въ будущее общее соединеніе та и другая сторона?»

Трудные вопросы, милостивый государь, и отвѣчать на нихъ мудрено. Странно однакоже, что г. Антоновичъ повидимому даетъ большой вѣсъ своимъ вопросамъ; помилуйте! вѣдь это уже давно извѣстно, что задавать вопросы ничего нестоитъ, и что гораздо труднѣе отвѣчать на нихъ.

Легко, говорятъ, бросить камень въ колодець, да вытащить его мудрено. Впрочемъ мнѣ кажется г. Антоновичъ напрасно трудился, составляя свои вопросы; онъ упустилъ изъ виду простое соображеніе: будутъ ли ему отвѣчать или нѣтъ? Вѣдь вопросы вопросамъ розь. Есть вопросы, вытекающіе изъ глубокаго пониманія предмета; такіе вопросы будятъ мысль и возбуждаютъ желаніе отвѣчать. Но есть другіе вопросы, которые во всѣхъ своихъ варіаціяхъ равняются одной фразѣ: ничего непонимаю! Въ послѣднее время странныя недоумѣнія овладѣваютъ россійскими умами, и у насъ нерѣдко появляются вопросы второго рода. Таковъ вопросъ г. Дудышкина: почему Пушкинъ народный поэтъ? Таковъ вопросъ г. Гымалэ: почему Татьяна въ Онѣгинѣ русская женщина? Сюда же относятся и вопросы г. Антоновича. Всѣ они значатъ: ничего непонимаю. Если же кто говоритъ: я ничего непонимаю, то чего онъ желаетъ? Очевидно онъ просить: поучите меня. А если кто публично просить: поучите меня,

то чтѣ ему слѣдуетъ отвѣчать? Ему нужно сказать: поучитесь сами.

Можетъ-быть вы возразите, милостивый государь, что г. Антоновичъ при этомъ обнаруживаетъ нѣкоторый жаръ. Какой онъ скорый! скажете вы. Сейчасъ ему все вынь да положь. Сейчасъ и подавай ему полное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ. Но что касается до меня, въ этой скорости я вижу совсѣмъ другое. Г. Антоновичъ, какъ человѣкъ молодой, вѣроятно еще не знаетъ, какъ трудно жить на свѣтѣ. Трудно достигнуть истиннаго понятія о вещахъ; трудно понять и оцѣнить людей и ихъ жизнь; трудно понимать красоту, поэзію, литературу, исторію, народъ, и вообще трудно разрѣшать трудные вопросы. Г. Антоновичъ еще легко смотритъ на жизнь; для него еще скрыта ея таинственная глубина.

Очень жаль, что мнѣ такимъ образомъ все приходится говорить о г. Антоновичѣ, а не о самомъ дѣлѣ. Еслибы онъ былъ серьезнѣе, еслибы онъ обнаружилъ большее уваженіе къ предмету своей рѣчи, то здѣсь именно было бы мѣсто поговорить

о трудности органическаго взгляда. Этотъ взглядъ имѣеть именно то достоинство, что труднѣе всѣхъ другихъ. Онъ имѣеть широкость, которая избавляетъ его отъ всякой односторонности и дозволяетъ безграничное углубленіе мысли въ предметъ. Подъ именемъ почвы разумѣются тѣ коренныя и своеобразныя силы народа, въ которыхъ заключаются зародыши всѣхъ его органическихъ проявленій. Какое бы явленіе ни представляла исторія, современная или будущая жизнь народа, будетъ ли это пѣсня, сказка, обычай, частная или гражданская форма, все это признается законнымъ, имѣющимъ дѣйствительный смыслъ - настолько, насколько органически связано съ народной сущностью. А это не такъ легко рѣшить. Самыя повидимому ненормальныя и уродливыя формы народной жизни могутъ быть органическими; и наоборотъ, самыя повидимому правильныя и стройныя явленія могутъ оказаться нечуждыми механическихъ примѣсей и инородныхъ

элементовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы судить народъ по какой-нибудь нашей мѣркѣ, нужно стараться вездѣ открыть его собственную мѣрку, ту единственную и нормальную мѣрку, которая опредѣляется самою сущностью каждаго народнаго явленія. Это значитъ - нужно понять народъ.

Но по старинному правилу - *ignoti nulla cupido*, чего мы не знаемъ, того и желать не можемъ. Г. Антоновичъ ничего не знаетъ объ этомъ пониманіи, а потому и желать его не можетъ. Этого мало. По коренному свойству человѣческаго ума, кто чего не знаетъ, тотъ отвергаетъ существованіе того, чего онъ не знаетъ. Г. Антоновичъ дѣйствительно не вѣритъ въ существованіе почвы. Хотите ли знать, какъ онъ понимаетъ русскій народъ? Вотъ его слова:

«Наша почва дѣвственна, первобытна и наивна (вы хотите сказать: глупа?) въ своихъ воззрѣніяхъ; она когда-то случайно заимствовала большую часть ихъ на сторонѣ, нѣкоторыя (немногія?) придумала сама по своему вкусу (грубому?), да такъ и

остається съ ними неподвижно (давно ли же она потеряла производительность?), потомучто никогда не имѣла случая (ну какъ не быть случаямъ!) сознательно испытать и разобрать ихъ. Народъ не задумывался надъ своими убѣжденіями (вѣроятно по тупости), ничто ихъ не колебало, сомнѣніе собственное или возбужденное со стороны никогда не закрадывалось въ его голову (а расколь?). На нашей почвѣ небыло и нѣтъ тѣхъ колебаній и движеній, которыя пережили европейскіе народы. Незначительное большинство образованныхъ людей успѣло усвоить себѣ результаты, добытые Европою. Наша же почва находится въ совершенномъ невѣденіи этихъ результатовъ (слѣдовательно чтоже въ ней есть?).»

Коротко и ясно. На нашей почвѣ не выросло ничего; она осталась первобытною. А въ Европѣ выросло кое-что. И слѣдовательно тамъ, гдѣ у насъ не посажено и не посѣяно что-нибудь европейское, тамъ уже ровно ничего нѣтъ,

голая земля. Замѣтите съ какимъ убійственнымъ равнодушіемъ говорить это г. Антоновичъ; признаюсь, еслибы я имѣлъ подобныя мысли, я пришолъ бы въ совершенное отчаянье. Вѣдь что онъ говорить? Чтобы показать, что на нашей почвѣ ровно ничего нѣтъ (что вполнѣ равняется отсутствію почвы)¹ онъ выставляетъ на видъ, что «наша почва находится въ совершенномъ невѣденіи результатовъ, добытыхъ Европою». А я васъ спрашиваю: ктоже знакомъ съ этими результатами? По моему мнѣнію, на примѣръ самъ г. Антоновичъ находится въ совершенномъ невѣденіи большей части результатовъ, добытыхъ Европою. Слѣдовательно и онъ далекъ еще отъ степени плодородной почвы. А чтоже такое передъ нимъ мужикъ, простой мужикъ? Безплодный камень, песокъ, на которомъ

¹ Для ясности я долженъ здѣсь приба витъза мѣча нѣребующе нѣкотора го усилія ума и потому несовсѣмудобноедля печатиКогда на родѣговорятыю а на логіи ка къ о почвѣчва здѣсьра зумѣтснѣ въ геологическомѣмыслѣ и не въ агрономическомѣка къ дума етъг. Антоновичъ, а въ смыслѣ орга нической геогра фии. Въ смыслѣ этой геогра фии почва озназачаетъ ча сть поверхностиотлича ющаяся извѣстнымъ ха ра ктеромъсвоихъра стенійВсе это тонкости,я согла сенно я держусь тогопра вилачто нужно понима тьмысль тѣхъ словъ, которыя употребляешь.

не растеть ни былинки. Чувствуете ли вы теперь, въ какой пустынь вы живете?

Не вѣрять г. Антоновичъ въ почву, не признаеть онъ ея силъ и законовъ. Эти печальныя убѣжденія онъ излагаетъ съ невозмутимымъ равнодушіемъ. Послѣ предыдущаго его разсужденія о почвѣ мы могли бы подумать, что онъ считаетъ нужнымъ именно познакомить нашу почву съ результатами добытыми Европою, и что тогда, когда будутъ засѣяны эти сѣмена, все пойдетъ у насъ пышно цвѣсти и распускаться. Но и въ этой мысли есть нѣкоторая вѣра въ почву, и потому г. Антоновичъ тщательно устраняетъ ее, какъ заблужденіе. «Мы, люди образованные, - говоритъ онъ, - отличаемся апатіею и бездѣйствіемъ и вообще не можемъ похвалиться собою. Какъ знать, можетъ-быть тоже будетъ и съ почвою, когда она научится грамотѣ; образованіе можетъ-быть и ее не выведетъ изъ апатіи, какъ не вывело и насъ.»

Что сказать на это? Да, мы апатичны, мы бесплодны; мы ничего не любимъ такъ,

какъ слѣдуетъ любить, ничего не дѣлаемъ такъ, какъ слѣдуетъ дѣлать. Упрекъ справедливъ, хотя и высказанъ совершенно апатически. Но ужели таже участь постигнетъ и почву? Была эта страшная мысль. Еслибы г. Антоновичъ былъ знакомъ съ нашимъ вопросомъ о народности, то онъ бы зналъ, что его игривое предположеніе было нѣкогда принято и высказано съ горячею рѣзкостью. Было сказано, что мы, русскіе, назначены представить міру отрицательный примѣръ въ исторіи, примѣръ народа, бесплодно прожившаго свою жизнь. Обстоятельства, при которыхъ родилась и явилась эта мысль, весьма многозначительны. Вопервыхъ, она сопровождалась фанатическимъ поклоненіемъ западной духовной жизни; вовторыхъ она явилась въ то тяжелое время, когда наша собственная жизнь замирала и изсякала. Поэтому историки нашего скуднаго умственнаго развитія справедливо замѣчаютъ, что эта мысль - печальное порожденіе печальнаго времени.

Она и была высказана съ горечью, съ душевной болью, потомучто это была мысль отчаянія.

Спрашивается теперь, почему же нашъ юный публицистъ въ настоящее время высказываетъ ту же мысль съ такой беззаботностію? Почему онъ такъ спокойно и безболѣзненно выражаетъ свое невѣріе въ почву? Очень просто. Онъ вовсе не разочарованный или отчаявшійся человѣкъ. Онъ не вѣритъ въ почву, зато тѣмъ тверже вѣритъ во что-нибудь другое. По всей вѣроятности онъ обладаетъ какимъ-нибудь секретомъ вродѣ философскаго камня. Образование есть средство, вызывающее силы почвы; а у г. Антоновича вѣроятно есть средство, превращающее дурную почву въ хорошую, подобно тому какъ философскій камень превращалъ свинецъ въ золото. Понятно, съ какимъ высокоуміемъ онъ долженъ смотрѣть на всякія другія попытки въ отношеніи къ почвѣ.

Вот на примѣръ какъ онъ говоритъ о грамотности:

«А мы о грамотности думаемъ такъ, что она есть безразличное оружіе, сила, которая цѣнится не сама по себѣ, а по тому дѣйствию, которое она производитъ. И при грамотности весьма важно то, къ чему она прилагается и чтл будутъ читать грамотные. Есть на свѣтѣ и хорошія книги, но зато есть много и такихъ, что при видѣ ихъ невольно возбуждается досада на изобрѣтеніе типографскаго искусства и гораздо лучше не умѣть грамотъ, чѣмъ читать подобныя книги.»

Судя по этимъ словамъ, мнѣ кажется я угадалъ. Хорошія книги, о которыхъ упоминаетъ г. Антоновичъ, суть безъ сомнѣнія знаменитыя книжки г. Чернышевскаго. Въ нихъ заключается если не весь талисманъ, то по крайней мѣрѣ часть его. Согласитесь сами, что если эти книжки должны были неминуемо произвести превращеніе въ убѣжденія г. Юркевича, челоука, безъ сомнѣнія, въ конецъ испорченнаго чтеніемъ дурныхъ книгъ, то еще сильнѣе оно должно

подѣйствовать на неиспорченный умъ народа.

Книги - рѣшительно больное мѣсто «Современника». Это даже странно. Ужь сколько разъ, какъ скоро рѣчь въ немъ зайдетъ о книгахъ, сейчасъ начинаются какія-то скользія, шаткія мнѣнія. Невольно приходитъ на умъ калифъ Омаръ и его мудрое рѣшеніе. Г. Антоновичъ вѣроятно чувствовалъ, что въ его словахъ что-то неладно; поэтому онъ иронически прибавляетъ: «на основаніи всего вышесказаннаго, всякій желающій можетъ утверждать, что мы возстаемъ противъ грамотности и образованія почвы и не признаемъ за ними важнаго значенія, хотя мы собственно хотимъ сказать, что не въ одной грамотности вся суть,» и пр.

Но не побоюсь я его ироніи и обвиню его въ неуваженіи къ грамотности. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь не всякое уваженіе одинаково; бываетъ и такое уваженіе, что оно равняется полному неуваженію. Есть уваженіе къ грамотности, которое никогда не дойдетъ до досады на типографскій

станокъ и до нежеланія знать грамоту; это уваженіе основано на довѣріи къ человѣческому уму, на той широкой вѣрѣ, что умъ есть сила, крѣпкая сама по себѣ, сама собою неминуемо совершающая свой прогрессъ. Съ этимъ нельзя и сравнивать то уваженіе къ грамотности, которое основано на довѣріи не къ уму человѣческому, а къ своимъ собственнымъ мыслямъ. Въ такомъ случаѣ чѣмъ уже, бѣднѣе, мельче чья-нибудь мысль, тѣмъ менѣе онъ понимаетъ мысли другихъ, тѣмъ менѣе находитъ книгъ достойныхъ уваженія, тѣмъ больше встрѣчаетъ поводовъ досадовать на типографское искусство, и слѣдовательно тѣмъ менѣе онъ уважаетъ грамоту. Умъ, грамота - вѣдь это тоже что свѣтъ для глазъ. Скажите, ктоже возставалъ противъ солнечнаго свѣта? Съ тѣхъ поръ какъ люди научились говорить, кто говорилъ о свѣтѣ иначе, какъ не съ радостью, какъ не признавая его за великое благо, за добро несомнѣнное? Для кого глазъ не былъ драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ органовъ? Кто могъ дойти до такого равнодушія къ жизни,

до такой апатіи, чтобы скептически взглянуть на солнце и заподозрить благодѣтельность его сіянія? Точно также мы смотримъ обыкновенно на грамотность и на типографское искусство. Если отъ нихъ бываетъ что-нибудь дурное, то въ этомъ ихъ точно также не упрекаютъ, какъ никто не упрекаетъ солнца за то, что отъ него ложатся тѣни. Г. Антоновичъ смотритъ на это иначе. Онъ несомнѣнно доволенъ свѣтомъ солнца. Чтоже это значитъ? Скажите, кто жалуется на свѣтъ дневной? Кому и въ какомъ состояніи случается говорить, что онъ желалъ бы, чтобы глаза его не видѣли свѣта? Такъ говорятъ только въ порывѣ отчаянія и говорятъ для того, чтобы выразить самую крайнюю степень отчаянія. Между тѣмъ г. Антоновичъ, какъ видно, вовсе и не подозреваетъ, что онъ говоритъ вещи приличныя людямъ, потерявшимъ всякую надежду.

Странная загадка! Объяснить ее, мнѣ кажется, можно развѣ опять сравненіемъ съ алхиміею. Представьте алхимика, передъ которымъ кто-нибудь сталъ бы хвалить

свѣтъ солнца, сталъ бы объяснять, какъ этотъ свѣтъ все озаряетъ, согрѣваетъ, вызываетъ къ жизни. «Да, конечно, отвѣчалъ бы адептъ: - кое-что свѣтъ дѣлаетъ и иногда полезенъ; но онъ слишкомъ развлекаетъ людей, не даетъ имъ заняться великимъ дѣломъ. У меня же въ лабораторіи есть болѣе могущественныя силы и тайны; у меня готовится философскій камень, передъ которымъ ничтожны всѣ организмы, все что солнце можетъ вызвать и возрастить на землѣ.»

Послѣднія страницы своей статьи г. Антоновичъ посвятилъ вопросу о зависимости между матерьяльнымъ благосостояніемъ и образованіемъ народа. Ничего новаго не сказалъ онъ объ этомъ стародавнемъ вопросѣ, да не сказалъ даже ровно ничего опредѣленнаго. Послѣ разныхъ, совершенно незначительныхъ соображеній, г. Антоновичъ заключаетъ, что «заботящіеся о грамотности народа должны вмѣстѣ позаботиться и объ улучшеніи его матерьяльнаго быта.» Спрашивается, какая тутъ новость и кто

противъ этого спорить? Дѣло вѣдь совсѣмъ не въ томъ. Народъ, имѣющій матерьяльное благосостояніе, можетъ умственно развиться, но можетъ и не развиться. Мало ли людей и даже племень, которыя матерьяльно обеспечены и однакоже ведутъ скотоподобную жизнь? Съ другой стороны народъ, умственно развитый, рано или поздно, съ колебаніями и неудачами, но непременно достигнетъ матерьяльнаго благосостоянія. Дѣло не въ томъ, чтобы мы заботились о благосостояніи народа; нужно достигнуть того, чтобы члены самого народа заботились о своемъ благосостояніи и умѣли сохранять и оберегать его. Слѣдовательно вопросъ въ томъ, какое условіе важнѣе, главнѣе, существеннѣе. Противъ тѣхъ, которые придаютъ слишкомъ большую важность матерьяльному благосостоянію, которые склонны видѣть въ немъ начало и конецъ, альфу и омегу всѣхъ помысловъ о народѣ, мы приведемъ одно прекрасное мѣсто изъ «Современника» же (1861 г. XI кн., внутр. обзр.), мѣсто, странно противорѣчащее остальнымъ

статьямъ, проникнутымъ тѣмъ же духомъ, какъ статья г. Антоновича.

«Успѣшное движеніе впередъ, - говоритъ неизвѣстный авторъ, - быстрое возрастаніе благосостоянія какъ всякаго общества, такъ преимущественно христіанско-человѣческаго, въ главѣ котораго поставлены высшіе человѣческіе интересы, тогда только и возможно, когда каждый членъ будетъ принимать горячее участіе въ дѣлахъ общественныхъ, когда каждый будетъ смотрѣть на дѣло общественное какъ на свое собственное. Скажемъ болѣе: самое существованіе подобнаго общества возможно только подъ условіемъ живого, вѣчно-присущаго членамъ общества сознанія этихъ высшихъ человѣческихъ интересовъ, когда каждый членъ, во имя этихъ интересовъ, на оскорбленіе, униженіе, стѣсненіе своего брата въ какихъ бы то ни было правахъ, принадлежащихъ ему какъ человѣку и члену общества, смотритъ какъ на попятаніе своихъ собственныхъ правъ и правъ всего общества, и за дѣло брата готовъ

жертвовать не только всѣми своими силами, но и жизнью, ибо по слову писанія, больше сея любви никтоже имать, да еще кто душу свою положитъ за други своя. Только такое общество имѣетъ право на названіе человѣческаго въ тѣснѣйшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Тамъ гдѣ высшіе человѣческіе интересы не поставлены въ главѣ всѣхъ другихъ, гдѣ живо не сознаются эти интересы членами общества на всякомъ шагу ихъ жизни, гдѣ люди не находятъ для себя ничего выше заботъ о своихъ ежедневныхъ нуждахъ, о своемъ матерьяльномъ благосостояніи, тамъ люди могутъ образовать изъ себя племя, шайку, ватагу, компанію, орду, даже государство вродѣ персидскаго, бухарскаго и т. п., но никакъ не человѣческое общество.»

Вотъ мысли, которыя могутъ быть поучительны для г. Антоновича. Что изъ нихъ слѣдуетъ? Какое главное условіе для крѣпости и благосостоянія общества? Пробужденіе во всѣхъ сознанія высшихъ интересовъ; слѣдовательно заключаемъ мы,

вообще пробужденіе сознанія, грамотность, умственное развитіе.

Г. Антоновичъ оказался равнодушнымъ или невѣрующимъ въ отношеніи къ нашей литературѣ, къ нашей почвѣ, къ грамотности и книгопечатанію; но надо отдать справедливость, - онъ обнаруживаетъ явное доброжелательство къ матерьяльному благосостоянію народа. Что сказать объ этомъ сочувствіи одному благу предпочтительно передъ другими?

Вопросъ о матерьяльномъ благосостояніи и вообще объ устраненіи страданій, которымъ подвержено челоѡчество, есть, какъ извѣстно, самый живой современный вопросъ. Но поднять онъ уже давно; о немъ говорится въ евангеліи, и сказано тамъ именно слѣдующее: ищите прежде царствія божія, и вся сія приложатся вамъ. Мнѣ кажется и нынѣ нѣтъ нужды измѣнять этого рѣшенія.

Люди всегда были, есть и будутъ идеалистами. Иногда говорятъ: хорошо челоѡчество! Сколько времени люди живутъ на землѣ и до сихъ поръ не умѣли

устроить такъ, чтобы никто не умиралъ съ голоду. Какой несправедливый упрекъ! Развѣ люди когда-нибудь ставили себѣ подобное устройство главною и единственною цѣлью? Еслибы когда-нибудь они занялись имъ преимущественно передъ прочимъ, то при извѣстной смышлености, отличающей ихъ отъ животныхъ, они безъ сомнѣнія достигли бы этой цѣли. Но этого никогда не было; люди всегда желали больше; они вѣчно увлекались другими цѣлями, иными желаніями. Они постоянно хотѣли сдѣлать изъ жизни какое-то очень серьезное занятіе, превратить ее въ дѣло болѣе важное и пріятное, чѣмъ простое отсутствіе страданій. И потому они всегда были легкомысленны, всегда охотно подвергали опасности себя и другихъ и сдѣлали изъ исторіи не мирную повѣсть семейнаго счастья, а какую-то азартную и кровавую игру.

Идеализмъ составляетъ весь корень человѣческихъ бѣдствій. Въ этомъ взглядѣ заключается одно изъ глубочайшихъ открытій нашего времени. Его многіе поняли

и должны наконецъ понять и тѣ, кто ищеть причины бѣдствій въ чемъ-нибудь другомъ, на примѣръ въ тупости людей, въ отсутствіи какихъ-нибудь случайностей и т. д. Не все ли зло происходитъ оттого, что мы слишкомъ уважаемъ то, чего не слѣдуетъ уважать, считаемъ важнымъ то, чтъ не имѣеть никакой важности? Что мы такъ охотно признаемъ право тамъ, гдѣ нѣтъ права, что мы такъ легко жертвуемъ собою, такъ легко вездѣ творимъ себѣ идоловъ и кумиры?

Если же корень зла въ этомъ, то и излеченіе зла должно начаться съ этого корня. Отсюда понятно, почему многіе пришли къ мысли, что нужно разрушить идеализмъ и направили на него всѣ свои удары. Повидимому такимъ образомъ употребляется самое простое и вѣрное средство: не будетъ идеализма, исчезнутъ и всѣ бѣдствія, которыя онъ порождаетъ. Какое жестокое заблужденіе! Эти люди своими рѣчами и дѣйствіями напоминають тѣ шуточные совѣты, которые иногда предлагаются больнымъ. У васъ болитъ

рука? спрашиваетъ забавникъ: - отрѣжьте ее и она не будетъ причинять вамъ боли. У васъ болитъ голова? Отрѣжьте ее и все пройдетъ. Такъ точно совѣтуютъ и тѣ, кто желаетъ избавить человѣчество отъ уклоненій идеализма. Отнять у человѣчества идеализмъ значитъ совершенно тоже, что отнять у человѣка голову на томъ основаніи, что она у него болитъ. На мѣсто больной головы намъ нужна эта же голова здоровая, а не безголовое туловище. Больной идеализмъ долженъ быть не уничтоженъ, а превращенъ въ здоровый.

Да и чѣмъ вы изгоните идеализмъ изъ человѣчества? Вы указываете людямъ на ихъ страданія, вы перечисляете всѣ ихъ нужды и всѣ роды смертей, которыя они претерпѣваютъ. Но развѣ это что нибудь значитъ? Развѣ человѣчеству нужно привыкать - страдать и умирать? Вы говорите о нуждахъ; но люди во всѣ времена показывали способность терпѣть, не жадничать и быть довольными малымъ. Вы говорите о смерти, голодной или

кровавой? Но опять-таки во всѣ времена люди показывали расположеніе рисковать своею жизнью и гибнуть безропотно. Да и странную бы поправку вы сдѣлали въ человѣческой природѣ, вычеркнувши изъ нея идеализмъ. Хотите ли вы ее измѣнить? Хотите ли вы, чтобы люди больше дорожили хлѣбомъ и жизнью, чѣмъ дорожатъ теперь? Едвали кто согласится на это. Вѣдь если человѣкъ почему-нибудь хорошъ, такъ именно потому, что онъ никогда не былъ доволенъ одною сытостью и житейскими благами, что всегда есть блага, которыя онъ ставитъ выше всякой сытости и всякихъ житейскихъ благъ, что съ другой стороны для него есть нѣчто болѣе оскорбительное чѣмъ голодъ, болѣе мучительное чѣмъ пытка, и что слѣдовательно какія бы силы на него ни дѣйствовали, какъ бы часто ни повторялось и какъ бы далеко ни простиралось ихъ дѣйствіе, все-таки нѣтъ въ мірѣ силы, которая бы могла покорить человѣка до конца. Поэтому міръ управляется идеализмомъ; какъ бы ни были крѣпки

различныя силы, входящія въ игру жизни, власть и господство принадлежитъ той силѣ, которая всѣхъ крѣпче и одна непобѣдима, - идеализму.

Уже изъ того, что величайшее зло, какимъ страдаютъ люди, происходитъ отъ идеализма, противники идеализма должны были бы понять, что идеализмъ есть величайшая сила, какая дѣйствуетъ въ человѣческой жизни. Отъ малой силы не можетъ произойти большого зла, какимъ бы уклоненіямъ она ни подвергалась. Сила, подчиненная другой силѣ, легко была бы обуздана господствующею силою и направлена къ нормальной дѣятельности. Но сила безусловно наибольшая идетъ въ своихъ уклоненіяхъ до конца, потому что ничѣмъ не можетъ быть задержана.

Уже изъ того, что идеализмъ есть самая крѣпкая изъ силъ человѣческой жизни, друзья человѣчества, люди, сострадающіе его бѣдствіямъ, должны бы были убѣдиться, что въ этой силѣ заключается самое могущественное и единственное средство исцѣленія и возрожденія. Какъ

прежде, такъ и нынѣ исцѣлить и спасти міръ нельзя ни хлѣбомъ, ни порохомъ и ничѣмъ другимъ, кромѣ благой вѣсти.

Все это слѣдовало бы многимъ принять къ свѣдѣнію. Если мы хотимъ дѣйствовать и быть полезными, то должны понимать, въ какомъ положеніи дѣло, за которое беремся. Какая выгода быть слѣпыми и не видѣть того, что и какъ существуетъ въ дѣйствительности? Зачѣмъ, желая добра людямъ, ставить первымъ условіемъ то, что они должны измѣнить свою природу? Зачѣмъ уединяться въ отвлеченныя мысли и чуждаться людской жизни, той жизни, которая на самомъ дѣлѣ согрѣваетъ душу людей?

Такъ какъ возстаніе противъ идеализма есть дѣло противоестественное, то понятно, что противники идеализма впадаютъ на своемъ поприщѣ въ неисходныя затрудненія. Не говорю уже о томъ, что противъ идей возможно сражаться только равнымъ оружіемъ, т. е. идеями же, и что слѣдовательно передъ идеализмомъ въ его всеоружіи анти-идеалисты являются часто

истинно-жалкими бойцами. Нѣтъ, даже если противники идеализма сами достаточно идеалисты, они теряютъ свою силу, потомучто неизбѣжно подвергаются слѣдующей дилеммѣ:

или они послѣдовательно идутъ до конца и тогда доходятъ до выводовъ, возмущающихъ всякій умъ и всякое чувство;

или, что всего чаще, они невольно дѣлаютъ уступки, слѣдовательно мирятся съ идеализмомъ и потому впадаютъ въ явное противорѣчіе.

Въ первомъ случаѣ, когда анти-идеалисты послѣдовательны, они становятся страшны и дѣйствительно производятъ собою впечатлѣніе чловѣка, который, соболѣзнуя о вашей больной головѣ, посматриваетъ на нее съ тѣмъ, чтобы какъ-нибудь срѣзать вамъ ее съ плечъ. Къ самымъ сердечнымъ и задушевнымъ привязанностямъ они приступаютъ съ возмутительнымъ хладнокровіемъ. Они бранятъ величайшихъ поэтовъ, напр. Пушкина, съ насмѣшкой

говорятъ о самыхъ громаднѣхъ явленіяхъ челоѳческой исторіи, однимъ движеніемъ пера зачеркиваютъ цѣлыя области челоѳческихъ идеаловъ, забывая, что здѣсь они уже вредятъ себѣ и что по этой дорогѣ за ними уже не послѣдуетъ никто, въ комъ естественный челоѳку идеализмъ получилъ достаточное развитіе.

Но, какъ я сказала, чаще дѣло происходитъ иначе. Противники идеализма въ сущности вѣдь такіе же идеалисты, какъ и всѣ прочіе смертные. Даже строгіе и глубокіе умы между ними не въ силахъ отказаться отъ многихъ великихъ проявленій идеализма и страстно любятъ ихъ, хотя и находятъ ихъ по крайней мѣрѣ бесполезными. Чтоже касается до простыхъ людей, до тѣхъ, которые плывутъ по теченію, то, хотя имъ легче отказаться отъ идеализма, чѣмъ умамъ глубокимъ, они не бывають послѣдовательны потому, что находятъ болѣе удобнымъ вступить съ нимъ въ сдѣлку; они не хотятъ идти прямо противъ вкусовъ толпы и потому постоянно

скрываютъ или скрадываютъ свое противорѣчіе съ нею.

Возьму примѣръ изъ нашихъ маленькихъ домашнихъ дѣлъ. «Современникъ» недавно объявилъ, что онъ разошелся въ мнѣніяхъ съ г. Тургеневымъ. Въ какихъ мнѣніяхъ онъ разошелся и по какимъ причинамъ могло случиться, что Тургеневъ отсталъ отъ движенія «Современника» впередъ, - это конечно остается тайною для читателей. Но для тѣхъ, кто хорошо знаетъ положеніе дѣла, совершенно ясно, что «Современникъ» действительно долженъ былъ давно разойтись съ Тургеневымъ. Не это странно, а странно то, почему же это не обнаружилось раньше, т. е. почему они разошлись въ мысляхъ, но на дѣлѣ не расходились, и «Современникъ» продолжалъ печатать произведенія г. Тургенева, напр. *Дворянское гнѣздо* и *Донъ-Кихоть* и *Гамлетъ*. Сказать ли прямо почему? Да просто потому, что какой же журналъ откажется печатать Тургенева и не станетъ хлопотать объ этомъ? Со стороны

«Современника» это очень непослѣдовательно; но несмотря на то, ктоже рѣшится считать въ немъ недостаткомъ статьи Тургенева? Итакъ дѣло имѣеть обратный видъ: не «Современникъ» оставилъ Тургенева, а Тургеневъ оставилъ «Современникъ».

Вотъ и теперъ «Современникъ», заявляя о своемъ разставаніи съ Тургеневымъ, самъ незамѣчая даетъ этому дѣлу видъ слишкомъ важный, неприличный достоинству журнала. Цѣлый журналъ тягается съ однимъ человѣкомъ, да еще съ поэтомъ. И что такое для «Современника» поэтъ? «Что онъ Гекубъ и что ему Гекуба?»

Приведу другой примѣръ, также немаловажный. Г. Антоновичъ весьма презрительно отзывается о томъ, что въ вашемъ журналѣ были толки о драмѣ г. Мея Псковитянка. Онъ находитъ, что толкованіе о такихъ вещахъ можетъ служить только дурнымъ признакомъ для журнала. Между тѣмъ въ той же книжкѣ «Современника», гдѣ г. Антоновичъ выразилъ такія мнѣнія, объявляется какъ о

важной и великой новости, что въ «Современникѣ» будетъ напечатанъ Мининъ г. Островскаго. Спрашивается, какъ же это согласить? Положимъ, что еще ненапечатаннаго Минина уже позволительно ставить гораздо выше «Псковитянки»; положимъ, что съ похвалами вашего критика (съ которыми я впрочемъ совершенно согласенъ) можно не соглашаться; но почему же строгій публицистъ запрещаетъ не только хвалить, а даже просто говорить о явленіяхъ, которыя могутъ быть однакоже великою новостью?

Впрочемъ къ чему мелкіе примѣры? «Современникъ» весь, цѣликомъ составляетъ одинъ большой примѣръ большого противорѣчія. Ратуя противъ идеализма и возставая на поэзію, онъ самъ служилъ поэзіи усерднѣйшимъ образомъ и былъ самымъ литературнымъ нашимъ журналомъ, въ то время какъ самъ же отвергалъ жизненное значеніе литературы. Какой журналъ отличался лучшимъ выборомъ повѣстей и стиховъ? Какой журналъ печаталъ нето-что Тургенева, а

когда нужно было, даже Бенедиктова? Какой журнал умѣлъ не только пользоваться прежними талантами, но и выводить на сцену новыя литературныя дарованія?

«Современникъ» похожъ на тщеславнѣйшаго франта, который будучи, щегольски одѣтъ, для большаго шику постоянно бранить щегольство и тщеславіе. Или еще лучше: онъ похожъ на человѣка, который постоянно бранить богатство, а самъ живетъ въ величайшей роскоши. Какъ бы то нибыло, но только это - не серьезное дѣло.

Н. КОСИЦ.
